

Мы подъехали к зданию захолустного южного аэропорта одновременно. Я на арендованной машине, они на раздолбанной «тройке».

Сдаю машину. Ощущаю на себе внимательный взгляд. Смотрит девчонка. С нею парень. Приятный, широкоплечий, смазливый в меру. Но она смотрит на меня. Девчонка хороша, аж слюнки текут. Загорелая, фигуристая. Белое платье в обличку. Ножки стройные, высокие каблочки придают им законченную гармонию и сексуальность. Внешность яркая, броская — крупный рот в красной помаде, подведенные стрелками глазищи, темные тени, черные брови. А как повернулась, мама дорогая! Сзади платье из другой ткани — практически марля. Отчетливо видны белые трусики и лифчик. Просто кричаще — кожа-то девчонки коричневая. Хочу ею обладать сразу. Дико завидую ее парню. Особенно в условиях, когда неделю не было секса.

До самолета 6 часов. На хрен я сдавал номер? Сэкономил, бля, пару тысяч. Теперь буду болтаться в этой дыре, как член в проруби.

Иду в кафе. Хоть панель есть, музканал какой-то, сама обстановка уютная. Коньяка, правда, приличного нет. Беру эспрессо. Быстро выпьется, но люблю только его — в меру крепкий, горячий и горько-сладкий. Зато курить буду долго. С чувством, с толком, с расстановкой. Только после кофе. Банальность «кофе с сигаретой» терпеть не могу. Только так — сначала кофе, потом сигарета.

— Можно присесть?

Та самая парочка. Удивленно осматриваюсь по сторонам. Кроме меня в кафе никого нет. Столики все пусты. Даже бармен куда-то испарился. Это, что, меня сейчас будут разводить? А даже интересно.

— Присаживайтесь.

Мнутя, смущаются, робеют. Хм-м… Такое трудно сыграть. А если играют, то что такого класса жуликам делать в провинциальном аэропорту?

— У вас же самолет только через 6 часов?

Парень наконец решается. В глаза не смотрит. Девчонка тоже гипнотизирует мою чашку.

— Мы просим вас помочь нам. Дело в том, что у нас последний платеж за дом, 20 тыс. Но мы оба потеряли месяц назад работу. Приехали недавно из Дагестана, беженцы. Родных нет, друзей здесь нет. Помогите.

— Уф. — Я дико разочарован. — Не, ребятки…

— Подождите, дослушайте, — встрепенулась девчонка. Встретилась со мной глазами и сразу отвела взгляд.

Парень:

— Вы получите мою жену на все 6 часов.

Выпалил, словно бросился с размаху в ледяную воду.

Ага, вот это уже интересно. Все ж таки развод? Подстава? Откровенно ощупываю взглядом прелести девчонки. Уже можно.

Парочка так мила, что почти готов отдать эти 20 тысяч за так. Или с рассрочкой лет на 5. Но девчонка уж больно хороша! Охоч я до женского пола. Ну, как устоять перед таким предложением? Когда сидит тут такая красотка, которой даже взглядом обладать физически

приятно.

— И где я ее буду трахать?

Оба вздрагивают, как от удара. Парень бледнеет, аж губы посинели. Появляется опаска, что сейчас хлопнется в обморок. Девчонка смотрит на меня испуганно. Ужас в расширившихся глазах. Доходит, значит, что все это не игра и не прожекты. Не, ну, не сыграешь такое.

Парень явно не в своей тарелке. Частит:

— Мы думали в гостинице; Или можно у нас дома. Я только ребенка заберу. Мы поедем на участок. Там домик. Вы потом такси вызовете. Жене передадите деньги.

— А если я вас кину?

Девчонка смотрит упрямо, с вызовом. Люблю женщин с норовом.

— Мы готовы рискнуть.

— Насколько физически она в моем распоряжении? Я могу ее избить?

Открытые рты, во взглядах недоверие. Девчонка опомнилась первой. Она просто в ярости, сузившиеся глаза метают молнии.

— Вы маньяк? Урод!

— Женщина должна молчать, когда мужчины обсуждают дела.

Смотрю на парня, игнорирую девушку. Последний шанс я вам дал, ребятки.

Парень тоже ощерился.

— Пойдем, Наташ. Действительно урод какой-то.

Мысленно выдыхаю. Симпатичная пара, не смотря ни на что. Эх, ну почему эта девка так хороша? Безумно жаль, что я их все же отшил.

— Погоди, Сережа.

Наташа положила ладонь на руку вскочившего парня. Презрительно кривя губы, жестко посмотрела мне в глаза:

— Если в больницу обращаться не придется, то я согласна.

— А тебя не спрашивают, дорогая. Что скажет Сережа?

Парочка какое-то время играет в гляделки. Сергей горбится и садится.

— Я согласен.

— Все, свободен. Езжай за ребенком, мы доедем на такси. Я еще хочу обговорить пару моментов с твоей супругой. Если откажусь, она тебе позвонит. Перед регистрацией я сниму в банкомате деньги и передам ей. Тебя я больше видеть не хочу.

Когда парень ушел, я посмотрел на Наташу:

— И как вы будете жить после этого?

— Не лезь в душу, козел! Без тебя тошно.

Девчонку аж трясло от злости. Она была прекрасна в гневе. Черный локон упал на глаз, смуглые щечки запунцовели, пухлые губки раскрылись, грудь бурно вздымается.

— Вот что. Я сомневаюсь, что вы бы нашли кого-то, кто захотел бы трахнуть пару раз девчонку за 20 тысяч. Найдутся и подешевле. Так что веди себя прилично. Это первое. Второе. Я не одобряю вашего способа зарабатывания денег, поэтому сделаю все, чтобы ты прочувствовала, какой этот способ хреновый. Мало тебе не покажется. И третье. Пока я не кончу во все твои три дырки, деньги вы не получите. Можешь сопротивляться, отказываться от чего-то, я буду заставлять тебя разными способами, но если я не успею оприходовать все три дырки, то извини.

Наташа пролепетала:

— Как это в три дырки?

— Т-а-а-к. приехали. Я так понимаю, ты в попку не давала никогда?

— Нет!

— Мне дашь?

Глазки увлажнились, но девушка упрямо сглотнула слезы.

— Да. — Почти шепотом.

Я оглянулся. Мы в кафе были одни. Бармен забил и на работу.

— А теперь я хочу посмотреть, красивая ли ты там.

— Где?

Большие глаза удивленно смотрят на меня. Прямо первоклассница и интегралы.

— Не строй из себя дуру! Ножки раздвинь. Хочу проверить товар полностью.

Наташа помедлила немного. Неохотно развела колени. Я бесцеремонно залез между бедрами.

— Сдвинь задницу вперед.

Глазищами сверкнула, но выполнила. Теперь удобно сдвинуть белоснежный треугольник, попробовать губки. Влажно, мать твою!

Сидит напряженно. Мордашка кривится то плаксиво, то якобы презрительно. Ну, извини, сама подписалась, чтобы посторонний мужик в твоей пизденке копался, как в своей собственности.

— Возбуждает, что тебя сразу лапает там мужчина, который тебя купил? Который будет делать с тобой все, что ему захочется? Что ты, собственно говоря, проститутка, шлюха?

— Сказала же, не лезь в душу! И я не шлюха!

Злиться, шипит, как рассерженная кошка. Но при этом ножки не свела. Положение тела не поменяла. Позволяет мне гладить губки, проникать пальцем во влагалище.

Руки на груди сложила, подбородок вздернула, сердито раздувает крылья носа, чуть отвернулась. Прямо оскорбленная невинность. А между ножек рука постороннего мужчины.

Смешно, ей-богу! Да и влажно там. Не течет, конечно, но к мужчине вполне готова.

Достаю руку. Локоть на стол. Пальцы вверх.

— Оближи!

— Ха! Да ты сдурел!

Делает такую мордашку, словно разговаривает с идиотом. Чуть презрительную, чуть снисходительную, чуть усталую.

Вытираю пальцы о шелковистые округлости, аппетитно уложенные в декольте.

Взвизгивает, вскакивает. Стул с грохотом падает. Выглядывает бармен. Наташа представляет собой великолепное зрелище. Растрепанная, взъерошенная, руки, ноги враспырку, в глазах паника,

платье едва прикрывает промежность.

— Счет, пожалуйста. — И чуть тише — А ты сядь. Не пойму, чего взвилась?

Мисс Оскорбленная невинность поправила трусики, когда бармен отвернулся, одернула платье и села. Гордо отвернулась с видом «Хамов не замечаю!» Прелесть!

Я расплатился, закурил. Жаль, что она такая недотрога. В штанах давно тесно. Рассчитывал, что и в рот возьмет. Во всяком случае, попытался бы заставить. Было бы роскошно. Под стол ее, и член в рот. Огорченно вздыхаю.

— Думал, ты отсосешь сейчас. Первый пункт был бы закрыт.

Повернулась. Настороженность и недоверие.

— Что, здесь?

— Тебя, что-то смущает после того, как ты стала проституткой?

— Вот дурак-то! Нет, просто маньяк больной.

— Привыкай!

Едем на такси. Проходим с черного хода. Серый пес на цепи заходится лаем. Двор открытый, просторный. Огородик, пара деревьев, плитка. За рабицей сосед набирает бочку.

Наташа с досадой кусает губы, старается проскользнуть незаметно.

— Привет, Наташа!

— Привет, дядя Толя! Вот брат двоюродный приехал. Из Питера. На несколько часов.

— А ты и не рассказывала про брата!

— Да как-то так получилось!

— Добрый день! Мы и не общались раньше. Я здесь проездом, решил узнать Наташу поближе.

Злой взгляд из-под густых ресниц обжигает.

Бочком-бочком, мы в доме. Маленькая прихожая. В одной открытой дверь виден приличный кухонный гарнитур, в другой диван и старенький пузатый телевизор. Тихо фырчит кондиционер. Сережа позаботился о нашем комфорте. Уважуха.

Прохожу за Наташей в гостиную. Залезаю под подол, трогаю восхитительную упругую, шелковистую попку.

Взвизгивает, отскакивает в угол. Зыркает сквозь волну черной челки. Дикий звереныш, попавшийся в капкан. Дожидаюсь, пока дойдет, что ее сейчас ебать будут, а она тут беспокоится, что попку лапают.

Выпрямляется. Гордо и независимо. «Сняла решительно пиджак наброшенный, тра-та-та». Тьфу, бля!

— Сними трусики и дай мне!

На мгновение задумывается. А чего думать? Выполнять свою работу надо? Надо! Не в трусиках же! Понимание отражается на мордашке. Снимает, переступает ладными ножками. Отдает мне. Кладу в карман.

Хихикает:

— А чего ж не понюхал? Все маньяки так делают!

Прикололась, что ли?

— Так ведь, я могу понюхать то, на что они были надеты. Думаю, это развлечет меня больше. Симпатичная мордашка вытягивается.

— Ну, ладно, пора приступать к работе. Для начала я попользуюсь твоим ротиком.

Расстегиваю ширинку. Голодный, жаждущий Малыш появляется. Эрекция уже полная.

Наташа смотрит на него словно на насекомое. Брезгливо и недовольно. Во взгляде светится: «Что, я должна сосать ЭТО?». Да-да, детка, а как же иначе?

Подхожу, нажимаю на плечи. Печально смотрит на меня и с тяжелым вздохом встает на колени. Я в нетерпении. Желание сжигает. Хочется ощутить в эпицентре жажды мягкие губы.

Несколько мгновений медлит. Пару раз тяжело вздыхает и, наконец, раскрывает ротик.

Заталкиваю член между приоткрытыми губками. Они смыкаются. Нежное посасывание. Рычу даже от этой, пока еще совсем легкой ласки.

Глазки закрыты, на мордашке страдальческое выражение, морщится. Ну, я не понял, ваще!

Дикий зверь во мне бушует, хочет порвать этот сладкий рот на хрен, протолкнуть член в горло, затолкать за щеку. Человек еще хочет поиграть. Человек пока побеждает.

— Так, девочка моя, не пойдет! Ты должна сосать так, чтобы я почувствовал твою любовь, твою завороченность предметом, твоё обожание.

— Пффф! Вот ещё!

Смотрит на меня снизу вверх. Портрет «Красотка и вздыбленный член». Микеланджело отдыхает рядом с этой картиной. А пальчики-то цепко на стволе. Делаю зарубку. Успокаиваю встрепенувшегося зверя. Я тебе ещё отдам это тело на растерзание. Нам 6 часов хватит.

— Соси, как сказал!

Снова губки охватывают член. Содрогаюсь. Наслаждение.

Девчонка изображает любовь. Да как! Как в немом кино — преувеличенно и потешно. Бровки домиком, глазки закатила, ресничками хлопает. Смешно. Без дураков смешно. Фыркаю.

Наташка тоже фыркает. В нос. По-другому с членом во рту тяжеловато.

Приколистка, бля, удачный момент нашла!

Не выдерживаю и хохочу. Снизу присоединяется Наташка.

Хохочем.

— Ладно, давай ещё попытку. Теперь всё всерьёз.

— Слушай, какой ты привереда! Вообще не буду!

Надувается, садится на пятки, руки складывает на груди.

Вытягиваю из брюк ремень, складываю пополам, щёлкаю.

— Да, поняла-поняла. Так бы сразу и сказал!

Снова мой член охватывают мягкие губы. Сосет отстраненно, как нудную работу выполняет. Глазки прикрыла, больше рукой работает.

— Я чего-то не понял!

— Чего тебе ещё надо от меня? Отсасываю же! Не понарошку! Тащишься же, рычишь вон…

Хлещу ремнем по заднице. Вякает.

— Ты что, дурак? Больно же!

В глазах обида.

Хлестнул снова. Взвилась, вскочила на ноги. Смотрит гневно, если бы взгляд убивал, разорвало бы меня на хрен на куски.

Отвожу руку. Побежала, бля! Теряя босоножки на ходу. Пару мгновений тупо торможу, затем бросаюсь за ней. Хренов азарт хищника. Жертва убегает, надо преследовать. А ведь куда она денется с подводной лодки?

Догоняю, роняю на кровать. Бьется подо мной. Но куда там. Сдергиваю платье на бедра. Краем глаза наблюдаю шоколадную попку, белые полоски, выбритую киску. Губки набухли, едва не раскрываются. Дикий зверь вырывается на волю.

Рывком за живот ставлю раком. Головка тычется в пизденку. Но ещё одно. Достāju её трусики, запихиваю ей рот. Мычит, сопротивляется. Волосы на руку. Рывком на себя, чтобы до хруста в спине. Рукой за подбородок, надавить на скулы. Жалобно скулит, но губки раскрываются. Трусики в рот. Вот теперь можно приступить.

Выплювывает трусики.

— Стоп-стоп!

Растопыренная пятерня в останавливающем жесте назад, в мою сторону.

— Что еще?

— Первый пункт, минет, в зачете?

— Я ж не кончил тебе в рот. Ты вообще о чем?

— Сука.

Шлепаю ладонью по попке. Вся вздрагивает. Упругие полушария ходят ходуном.

— Я поняла-поняла.

— Трусики приладь на место, а то очень много разговариваешь.

Слышу опять «пффф», но приказ выполняет.

— Хорошая девочка!

Нетерпеливо засовываю. Рычу от непередаваемых ощущений. Пизденка тесная и влажная. Наташа вздрагивает и жалобно стонет. С надломом. Не от удовольствия, не от боли. От унижения и обреченности. Что ж, понимаю, чужой член в пизденке, и уже ничего не изменишь.

Остервенело трахаю покорное тело. Вбиваю член так, чтобы попка упруго вздрагивала. Волнующее зрелище. Рычу. Руки ей на плечи. Так удобнее со всего маху направлять вздрагивающее тело на свой член. Иногда — на бедра. Сжимаю так, что, думаю, останутся синяки. Девчонка жалобно пищит. Или скорее мычит. С трусиками во рту не очень-то удобно. Иногда вовсе ложусь грудью на ее спину и тискаю груди. Сквозь ткань платья сдираю с грудей чашки. Хочется ощутить ладонями нежную кожу, но не останавливаться же ради этого!

Жму соски так, что Наташка орет. Ну-да трусики-то маленькие, и звук при широко открытых губах — громкий. Но что толку, я ведь обещал: мало не покажется.

Падает вперед, чтобы избавиться от терзающих пальцев. Из-за платья, конечно, упускаю. Мстительно хлещу ладонью по незащитной попке. На белой, меньшей, части округлости тотчас проступает красное пятно. Наташка орет, пытается ползти вперед, буравя головой подушку. Ну, прости, милая, — тупик! Упирается маковкой через смятую подушку в деревянную спинку.

Беру в руки щиколотки. Теперь Наташка стоит на коленях. Хоть и раком. Головку на подушку положила. Морщится, а ротик-то приоткрылся, в уголку тесемка от трусиков. От вида охреневаю. Колочу в пизденку, словно заведенный и, наконец, кончаю. К моему рыку присоединяется женский визг. Видимо, не контролирую свои пальцы, сжимающие лодыжки. Девчонка дергает ногами, крутится. Вот дурочка, мне-то от этого еще приятнее!

Отхожу. Ослабляю хватку. Наташка тотчас вскакивает. Одной рукой зажимает промежность, чтобы не текло. Другую ко рту. И мокрые трусики летят в меня. Шлепаются в грудь.

— Идиот! Извращенец! Да ты маньяк! Вот дура-а-а-к-то!

— А кому сейчас легко?

Наташка не обращает на меня внимания. В извечном женском беспокойстве о внешности крутится, пытаюсь взглянуть на собственную задницу, поднимает голени. Ищет следы моего преступления.

Очень эротично. Не будь у нас сложных отношений, подумал бы, что она это нарочно. А если и так? Кто поймет этих женщин?

— Может быть, если убрать ладонь с промежности, будет удобнее?

Вздрагивает. Фокусирует взгляд на мне. Вспоминает, что стоит перед маньяком с задранным подолом, с ладошкой между ног и льющейся на нее спермой.

Взвизгнув, устремляется к двери. Не грациозно, но потешно и мило. И бодряще. Я даже

чувствую, что при некоторой стимуляции готов продолжить.

— Куда? Я не давал разрешения.

Останавливается на мгновение. Смотрит на меня, как на идиота.

— Ага, щаз. Вот я прям буду тебя разрешения спрашивать подмыться.

— Будешь наказана, — кричу я вслед спине и загорелой попке.

Возвращается нескоро. Обдумывает, тяготится и морочится, очевидно. Бля, теперь-то чего уже? Надо было до!

Я успел и покурить, и полностью раздеться, и разобраться с музыкальным центром. Так что, когда Наташа в японского типа халатике вошла в спальню, наигрывала какая-то симпатичная мелодия. Присмирела, глазки вниз держит.

— А халатик нам зачем?

Подняла взгляд. Увидела, что я голый. Даже мордашку не скривила. Плохой признак.

Похоже, перенакрутила себя в ванной. Не, мне это не нравится! Та девчонка, мечущая молнии глазами, нравилась мне гораздо больше, чем эта, потухшая и равнодушная. Такую и трахать-то не хочется!

— Раздевайся, говорю.

Теребит поясok задумчиво. Вот еще чего не понимаю! Тебя же уже и выебали, и в рот дали! Чего теперь стесняться? Тем более такого тела, заключил я, когда Наташа все так же бездумно скинула халатик. Посмотреть было на что! Конечно, не идеал изящности или сексапильности. Но до чего хороша молодостью и загорелостью! Да такое тело на обложку «Максима» поместить не стыдно!

Ладно, пора что-то делать с этим безучастным настроением. Встаю. Беру ремень. Даже на ремень не реагирует!

— Я тебе говорил, что накажу?

Пожимает плечами. Груды восхитительно вздрагивают.

— Накажи.

Хватаю на шею, бросаю на пол. Сам, пока не опомнилась зажимаю голову между ног. Член покоится на черных волосах, да и яички ощущают их шелковистость.

Хлещу ремнем по вздернутой попке. Сильно, чтобы достучаться до парализованной воли. Наташка визжит, ругается, но продолжаю. Я доволен, что девчонка очнулась от комы. Сильно больше не бью, да и не попадает почти ничего. Наташка брыкается, закрывается руками, даже пытается изобразить удар скорпиона. Не, ну у-шуистка из нее хреновая. От пятки до моей головы еще полметра. И все таки она меня достает. Попросту вцепляется зубами в бедро. Тут уж ору я. Наташка тут же освобождается. И я получаю смачную плюху по морде. Практически с разворота.

Девчонка отскакивает. Закусывает губку и испуганно смотрит на меня. В сделавшихся огромными глазах страх, что я ее тут же прикончу.

E-mail автора: смерто@qip.ru